

На правах рукописи

Чебаковская Александра Вячеславовна

**РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТИ
В КАРЕЛИИ В 1918 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.**

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Нижний Новгород – 2021

Работа выполнена в Институте языка, литературы и истории – обособленного подразделения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (ИЯЛИ КарНЦ РАН)

Научный руководитель:

Илюха Ольга Павловна

доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории – обособленного подразделения ФГБУН Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (ИЯЛИ КарНЦ РАН)

Официальные оппоненты:

Синова Ирина Владимировна

доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, истории и политологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

Пушкарёва Наталья Львовна

доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет»

Защита состоится 02 июля 2021 г. в 16:00 на заседании Диссертационного совета Д 999.133.02 при ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского», при ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» по адресу: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2., ауд. 320.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» и на сайте ННГУ: <https://diss.unn.ru/files/2021/1122/diss-Chebakovskaya-1122.pdf>

Автореферат разослан ___ мая 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Абидулин Алим Маратович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Характерной чертой современной России является высокая доля социальных сирот в общей численности детей, оставшихся без попечения родителей. Основными причинами этого явления являются лишение родительских прав и отказ от ребенка¹. Проживание в семьях с доходами ниже прожиточного минимума, бродяжничество, различные формы девиантного поведения – все это указывает на то, что проблема детской беспризорности и безнадзорности сохраняется.

Одними из важнейших государственных стратегических приоритетов в Российской Федерации объявлены семейная и демографическая политика, защита прав ребенка. Концепция государственной семейной политики на период до 2025 г. определяет развитие семейных форм устройства детей-сирот главной мерой их защиты². Текущие процессы актуализируют обращение к отечественному опыту складывания и функционирования системы социальной защиты детей. Важно изучить аналогичные явления в прошлом, критически осмыслить опыт, накопленный в условиях раннего советского общества, когда потребовались большие усилия для решения проблемы детской беспризорности, достигшей огромных масштабов. В 1918 – первой половине 1930-х гг. в стране была создана новая система государственных органов охраны детства, заменившая сеть учреждений, существовавших в царской России.

На рубеже XX–XXI вв. история социальной защиты детей получила новый импульс для изучения в связи с быстрым развитием такого междисциплинарного направления гуманитарного знания, как история детства. Особое внимание исследователи уделяют изучению конкретных групп детей, которым из-за отсутствия родительской заботы требовалась социальная помощь со стороны государства или общественности. Тема социальной защиты несовершеннолетних в современной исторической науке рассматривается в различных хронологических и территориальных рамках. Изучение регионального опыта решения проблемы по оказанию помощи беспризорным детям в Карелии в 1918 – первой половине 1930-х гг. будет способствовать созданию общей картины социальной защиты детей и послужит основой для сравнительно-исторических исследований детства в целом.

Объектом исследования является система государственных органов, учреждений и общественных организаций, занимавшаяся вопросами социальной защиты и поддержки нуждающихся детей в Карелии в 1918 – первой половине 1930-х гг., а также дети как ключевые субъекты данной системы.

Предмет исследования – процесс складывания и функционирования системы государственных органов и общественных организаций, решавших проблему детей-сирот и беспризорников на региональном уровне.

¹ Горева О. М., Осипова Л. Б., Сербина Е. А. Проблемы социального сиротства в современной России // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18234>. (дата обращения: 02.09.2020).

² Концепция государственной семейной политики до 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/16>. (дата обращения: 01.09.2020).

Целью работы является комплексное исследование истории создания и деятельности государственных и общественных институтов защиты детей-сирот и беспризорных в 1918 – первой половине 1930-х гг. на материалах Карелии.

Для реализации цели были поставлены следующие взаимосвязанные **задачи**:

- определить особенности положения детей на фоне социально-экономической ситуации в России и Карелии;
- выявить основные категории детей, нуждающихся в социальной помощи;
- исследовать структуру государственных органов управления в сфере охраны детства в 1918–1935 гг., показав их задачи, функции, иерархию и соподчиненность;
- проанализировать деятельность советской общественности в решении проблемы детской беспризорности и преступности в Карелии;
- реконструировать социокультурные особенности социально неблагополучного ребенка методом создания обобщенной биографии;
- определить уровень жизнеобеспечения «государственного ребенка», сравнив нормативы и реальное положение воспитанников детских домов Карелии в 1918 – первой половине 1930-х гг.;
- изучить особенности социализации детей-сирот и беспризорных в Карелии в 1918 – первой половине 1930-х гг., рассмотрев средства и методы воспитания «нового человека» в условиях детских домов.

Территориальные рамки исследования включают Карелию в административно-территориальных границах Олонецкой губернии (до 1920 г.), Карельской Трудовой Коммуны (КТК, 1920–1923 гг.), Автономной Карельской Советской Социалистической Республики (АКССР, 1923–1936 гг.). Границы Карелии претерпели изменения в результате административного деления и придания территории того или иного статуса в составе государства. Все административно-территориальные преобразования оказывали влияние на складывание и развитие сети социальных учреждений для беспризорных детей.

Хронологические рамки исследования охватывают 1918 – первую половину 1930-х гг., что позволяет рассматривать складывание системы социальных учреждений для беспризорных в ее развитии. Нижняя граница обусловлена тем, что с самого начала своего существования советская власть столкнулась с проблемой детской беспризорности как в отдельных регионах, так и в целом по стране. С этого же времени стала формироваться советская система государственных социальных учреждений по вопросам защиты детей. Определение верхней границы исследования связано с тем, что с принятием Постановления СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» последовало установление новых типов детских учреждений и изменение их подчиненности ведомствам. В документе декларировалась ликвидация массовой детской беспризорности и безнадзорности в стране.

Степень изученности темы. Историко-хронологический метод и принцип выявления научной проблематики дают возможность проследить эволюцию

взглядов представителей отечественной и зарубежной исторической науки и смежных дисциплин. Историографию становления учреждений социальной защиты детей-сирот и беспризорных в Советской России и Карелии можно разделить на две группы: советскую и постсоветскую (современную). Внутри первой группы выделяются следующие этапы осмысления проблемы: первый охватывает 1920–30-е гг., второй – 1940–50-е гг., третий – 1960–80-е гг. В указанные периоды обозначились различные ракурсы рассмотрения вопросов, связанных с детской беспризорностью, исследователи использовали доступные им источники и в разной мере испытывали давление государственной идеологии.

В публикациях 1920-х гг. делался акцент на достижениях советской власти в сфере охраны детства, в них прослеживается высокая степень реагирования авторов на существовавшие в обществе социальные проблемы. Широкий спектр «синхронных научных исследований» определяется тем, что вопросами защиты детей занимались специалисты разного профиля: медики, педагоги, юристы и др.³ Данные работы внесли вклад в осмысление проблем детской беспризорности, для диссертационного исследования они выполняют двойную роль: служат объектом историографического анализа и выступают в качестве источников знаний по конкретным вопросам. Во второй половине 1930-х гг. заметно снижение количества выпускаемой литературы по исследуемой теме, что связано с официальным заявлением власти в 1935 г. о ликвидации массовой детской беспризорности. На следующем историографическом этапе (1940–50-е гг.) исследуемая проблема рассматривалась исключительно сквозь призму ведущей роли партийного руководства. В послевоенные годы тема детской беспризорности вновь стала злободневной, был востребован ранний советский опыт в борьбе с этим явлением. Авторы публикаций подчеркивали значение государства и его агентов в деле заботы о детях и др. В это время проходят первые защиты диссертаций по истории охраны детства⁴, заметно преобладание педагогических и правовых исследований⁵.

На третьем историографическом этапе (1960–80-е гг.) в центре внимания исследователей оставалась система государственных учреждений, практики конкретных детских домов. В 1964–1968 гг. появляются издания педагогической энциклопедии, в которой дается устоявшаяся в предыдущие годы положительная оценка деятельности государства по ликвидации детской беспризорности⁶. В дальнейшем исследователи обращали внимание на трудности, с которыми столкнулась власть в борьбе с преступностью детей, выясняли изменения

³ *Арборе-Ралли Е.* Мать и дитя в Советской России. М., 1920; *Василевский Л. М.* Беспризорность и дети улицы. М., 1925; *Доброхотова А. И.* Практическое пособие по питанию детей раннего возраста. М.; Л., 1933; *Радин Е. П.* Что делает Советская власть для охраны здоровья детей. Вятка, 1921; *Соколов П.* Беспризорные дети в г. Саратове. Саратов, 1925 и др.

⁴ *Ионова В. Я.* Борьба с детской беспризорностью в 1920-е – 1940-е гг. в России (на примере Пензенского региона): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Омск, 1950.

⁵ *Поталак П. В.* Институт трудового воспитания «Новая жизнь» Наркомпроса РСФСР. Из опыта работы детского дома с особым режимом. М., 1940; *Горохов В. М., Суворова К. Г.* Кураловский детский дом. 1920–1945. В связи с 25-летием Кураловского детского дома. Казань, 1946 и др.

⁶ Педагогическая энциклопедия: в 4 т. М., 1964–1968.

государственной политики по отношению к ним⁷. В целом же сложившиеся подходы к исследованию формировали определенные стереотипы, используемые в советской художественной литературе для создания портрета беспризорника, которого советская власть «вывела в люди». В конце 1980-х гг. оценка политики советского государства в области охраны детства стала меняться в связи с новыми идеологическими ориентирами.

В постсоветской историографии оформился ряд направлений и подходов в изучении темы. Основная часть исследований по-прежнему концентрируется на государственной политике в сфере защиты детства, эта проблема рассматривается уже без прежних идеологических ограничений и на новой источниковой основе. Следует выделить основательные работы А. М. Нечаевой⁸, А. А. Славко⁹, Т. М. Смирновой¹⁰, охватившие широкую область исследуемой проблематики, начиная с определения причин детской беспризорности до складывания системы учреждений для детей-сирот, несовершеннолетних правонарушителей.

На современном историографическом этапе проявился интерес к табуированной в советские годы проблеме положения детей репрессированных групп населения: раскулаченных, спецпоселенцев, узников ГУЛАГа и др. Результатом стала в публикация воспоминаний¹¹ и сборников документов¹², отличавшихся ценными подборками материалов, содержательностью и видовым разнообразием источников.

⁷ *Астемиров З. А.* Трудовая колония для несовершеннолетних. М., 1969; *Болдырев Е. В.* Меры предупреждения, правонарушений несовершеннолетних. М., 1964; *Гербеев Ю. В.* Исправительные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей. М., 1969; *Жукова Л. А.* Государственные учреждения и общественные организации в борьбе за ликвидацию детской беспризорности в РСФСР (1917–1932 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1982; *Кондаков А. В.* Школа-коммуна. Опыт учебно-воспитательной работы коммуны Вятской губернии (1918–1925 гг.). М., 1961; *Кривенко Т. Д.* Специальные воспитательные учреждения и их роль в перевоспитании несовершеннолетних правонарушителей. М., 1970; *Чернышов А. И.* Преступность несовершеннолетних и меры борьбы с ней в СССР. Томск, 1975 и др.

⁸ *Нечаева А. М.* Охрана детей-сирот в России: История и современность. М., 1994; *Нечаева А. М.* Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). М., 2000.

⁹ *Славко А. А.* Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. М., 2005; *Славко А. А.* Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х – начала 1950-х годов: социальный портрет, причины, формы борьбы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2011 и др.

¹⁰ *Смирнова Т. М.* Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М.; СПб., 2015 и др.

¹¹ Прожито. Личные истории в электронном корпусе дневников [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/>. (дата обращения: 20.01.2021).

¹² «Охматмлад» и «Дети республики»: идеология и практика социальной политики в Енисейской губернии в 1920-е гг.: хрестоматия / сост.: Т. А. Катцина, О. М. Долидович. Красноярск, 2014; Беспризорность на Урале в 1929–1941 гг.: сб. документов и материалов / сост.: Г. Е. Корнилов, И. А. Лаврова. Екатеринбург, 2009; *Гнетнев К. В.* Карельская голгофа: как строили Беломорканал. Петрозаводск, 2016; Городок в табакерке: Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990): Антология текстов «Взрослые о детях и дети о себе» / под ред. В. Г. Безрогова, К. Келли, А. Пиир, С. Сиротина. Ч. 1: 1890–1940. М., 2008; ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960 / сост.: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2002; ГУЛАГ в Карелии. Сборник документов и материалов. 1930–1941 / науч. ред. В. Г. Макуров, сост.: А. Ю. Жуков и др. Петрозаводск, 1992; Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / под ред. А. Н. Яковлева. М., 2002; Дети страны Советов: 1917–1941 гг. (антропологический аспект): хрестоматия / отв. ред. Е. Г. Пономарев. Ставрополь, 2010; Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931 гг. Документы и материалы / науч. ред.: Н. А. Ивницкий, В. Г. Макуров. Петрозаводск, 1991; Крестьянские дети в детских домах Коми области в 1930-е гг.: исследования, документы, воспоминания / авт.-сост.: Г. Ф. Доброноженко, Л. С. Шабалова. Сыктывкар, 2008; Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики, 1921–1940 гг. / науч. ред. В. Г. Макуров. Петрозаводск, 1997; Устная история в Карелии: сб. науч. ст. и источников. Вып. II: Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / сост. и науч. ред.: И. Р. Такала, А. В. Голубев. Петрозаводск, 2007 и др.

В связи с расширением антропологического подхода и интересом к девиантному поведению значительное внимание в публикациях последних десятилетий отдается детской преступности и методам ее пресечения. Методологически значима в этом отношении работа Н. Б. Лебиной, в ней зафиксированы основные проблемы социологии отклоняющегося поведения¹³. Также внимание исследователей сместилось в сторону междисциплинарного анализа политики советского государства, педагогической работы с малолетними правонарушителями¹⁴, развития законодательства в части уголовной ответственности несовершеннолетних в 1920–30-х гг.¹⁵

Современные историки останавливаются на проблеме реализации государственной политики по воспитанию «нового человека» в детских учреждениях¹⁶. Зарубежные исследователи – А. Болл, З. Вайтц, В. Голдман, К. Келли, Д. Рэнсел, Ш. Фицпатрик и др. – также обращались к вопросам, так или иначе связанным с охраной детства в России. Они концентрируют внимание на характеристике положения беспризорных, «дефективных» детей, анализируют семейные формы устройства детей-сирот, функционирование пенитенциарной системы в СССР в 1918–30-е гг.¹⁷ Во взглядах многих зарубежных историков на проблему заметно влияние идей М. Фуко, рассматривавшего больницы, школы, казармы как дисциплинирующие механизмы и пространство принуждения индивидов. Детские дома оказываются в этом же ряду. В отечественной науке эти идеи получили развитие в работах И. С. Кона по истории и социологии детства¹⁸, а также в публикациях по социальной политике в СССР Е. Р. Ярской-Смирновой и ее коллег¹⁹.

Интерес к истории детства не уменьшается и сегодня, наличие внимания к исследуемой проблематике подтверждают также историко-демографические

¹³ Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2016.

¹⁴ Блясова И. Ю. Состояние профилактики преступности и правонарушений несовершеннолетних в советский период // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 1 (255). Право. Вып. 31. С. 54–59; Нестеров А. Ю. Советская концепция прав человека в отношении несовершеннолетних осужденных (и не осужденных), отбывающих наказание в системе ГУЛАГа (1918–1956 гг.) // Власть. 2015. № 6. С. 155–159 и др.

¹⁵ Семина Н. В. Правовые основы борьбы с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних в 1930-е гг. в России // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 969–973; Чечель Г. И., Долгополов К. А. История развития российского законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007. № 49. С. 199–202 и др.

¹⁶ Балашов Е. М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: Становление «нового человека». СПб., 2003; Безрогов В. Г. Угол отражения: кризис образовательной политики и идеал воспитания «новых людей» в истории педагогики // Теоретические исследования 2006 г.: материалы науч. конф. / под ред. В. А. Мясникова. М., 2007. С. 70–78; Рябина Н. В. Социальная политика Советской России (октябрь 1917 – 1920-е годы). Детские дома: теория и реальность. Ярославль, 2014 и др.

¹⁷ Ball Alan M. And now my soul is hardened: Abandoned children in Soviet Russia, 1918–1930. Berkeley, 1994; Bernstein L. Fostering the Next Generation of Socialists: Patronirovanie in the Fledgling Soviet State // Journal of Family History. 2001. Vol. XXVI, no. 1. P. 66–89; Galmarini M. The right to be helped: welfare policies and notions of rights at the margins of soviet society, 1917–1950: Dissertation. University of Illinois at Urbana – Champaign, 2012; Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991. London, 2007; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М., 2008 и др.

¹⁸ Кон И. С. Ребенок и общество. М., 2003 и др.

¹⁹ Советская социальная политика 1920–30-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М., 2007.

очерки, словари²⁰, охватывающие исторически протяженные периоды детства. На современном этапе исследования темы представляется особенно важным изучение проблемы детской беспризорности по регионам, поскольку в общей картине порой размываются особенности социальных процессов, характерных для республик, краев и областей СССР. В начале XXI в. этот процесс начался: произошел рост числа защищенных диссертационных исследований, что свидетельствует об актуальности и востребованности данной тематики²¹. Чаще всего специалисты анализируют политику государства и местные особенности педагогической практики в вопросах защиты детей на уровне различных регионов. Вместе с тем Карелия в этом отношении пока остается неизученным регионом, хотя здесь сложилась своя традиция исследования проблем детства в широком плане²², которая создает определенную научную базу для раскрытия темы.

Источниковой базой исследования стали многочисленные документы, отражающие проблему беспризорности детей в стране и в Карелии в 1918 – первой половине 1930-х гг. Большое значение для всестороннего анализа проблемы имеют архивные документы. В Государственном архиве Российской Федерации были изучены следующие фонды: Главного управления социального воспитания и политехнического образования детей Народного комиссариата просвещения РСФСР, Наркомпроса РСФСР, Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК, Общества «Друг детей» и др.

В исследовании широко использовались фонды Национального архива Республики Карелия: Комиссии по улучшению жизни детей при Карельском ЦИК; Наркомпроса АКССР; Народного комиссариата социального обеспечения АКССР; Народного комиссариата здравоохранения АКССР и др. Самыми информативными из представленных являются фонды Деткомиссии при КарЦИК и Наркомпроса АКССР, в них содержится обширный материал, который отражает различные направления оказания помощи детям-сиротам и беспризорным. Документы этих фондов раскрывают задачи государственных органов в вопросах охраны детства, степень реагирования на возникавшие проблемы, позволяют глубже понять специфику регионального опыта социальной политики в советский

²⁰ *Борисов С. Б.* Энциклопедический словарь русского детства: в 2 т. Шадринск, 2008. Т. 1; *Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус* / отв. ред. С. Н. Майорова-Щеглова. М., 2018; *Жиромская В. Б.* Российские дети в конце XIX – начале XXI в.: историко-демографические очерки. М., 2018.

²¹ *Афанасова Е. Н.* История детской беспризорности в Иркутской области и Красноярском крае в 1920–1930-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2007; *Бендер Е. А.* Борьба с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних в РСФСР в 1920–1930-е гг. (на материалах Ленинграда и Ленинградской области): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015; *Карасева А. А.* История функционирования и развития системы детских домов РСФСР в 1929–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015; *Феонычев В. В.* Деятельность государственных и общественных организаций по ликвидации беспризорности в России в 1920-е гг. (на примере Пензенской, Самарской, Симбирской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2017 и др.

²² *Илюха О. П.* Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в. СПб., 2007; *Литвин Ю. В.* Зарождение системы социальной защиты внебрачных детей в Олонецкой губернии // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем. Рязань, 2014. Т. 2. С. 369–372; *Тинькова Н. К.* Деятельность Карельской областной организации ВЛКСМ по коммунистическому воспитанию молодежи (1926–1932). Петрозаводск, 1981; *Филимончик С. Н.* Образование и просвещение в Советской Карелии (1918–1939). Петрозаводск, 2013 и др.

период, проанализировать и сравнить методы и средства борьбы с детской беспризорностью в центре и регионе.

Привлечение материалов фондов Научного архива Карельского научного центра Российской академии наук и Архива Информационного центра Министерства внутренних дел по Республике Карелия позволило дополнить исследование документами официальных источников и сведениями личного характера.

В работе наряду с архивными источниками используются опубликованные материалы центральных и местных советских органов, отдельных организаций, обществ, учреждений и др. По видам источники можно объединить в несколько групп. *Первая группа* – это *законодательные и нормативные акты, декреты, постановления и распоряжения*, издававшиеся в 1918 – первой половине 1930-х гг., занимающие важное место среди опубликованных источников²³. *Вторую группу* источников составляют опубликованные *статистические материалы*, дающие возможность почерпнуть ценные сведения о детях в демографической структуре населения, сети детских учреждений и др., позволяющие увидеть глубину проблемы детской беспризорности, соотнести и сравнить процессы, протекавшие на местном и общероссийском уровне. *Третья группа источников* – это *материалы, постановления, резолюции съездов специалистов, совещаний и конференций*, посвященные вопросам охраны детства, ликвидации детской беспризорности и преступности в 1920–30-е гг. Эти документы позволяют не только оценить состояние детской беспризорности, узнать о проблемах и достижениях в вопросах ее ликвидации, но и познакомиться с планами, намеченными в области воспитательной работы, с процедурой принятия решений по отдельным вопросам. *Труды специалистов*, работавших в 1920–30-е гг. по вопросам проблемы охраны детства, раскрывают разные направления в этой области и относятся к *четвертой группе источников*. Детская беспризорность изучалась в 1920–30-х гг. врачами, историками, общественно-политическими деятелями, педагогами, правоведами и др.

К *следующей группе источников* относится *периодическая печать*, которая включает материалы *центральной* (официального вестника «Сборник по вопросам охраны детства», методических изданий «Вестник просвещения», «Детский дом», литературно-общественных журналов «Женский журнал», «Педологический журнал» и др.) и *местной прессы* (газет «Красная Карелия», «Комсомолец», «Народное здоровье», «Трудовая жизнь», журналов «Вестник Карело-Мурманского края», «В помощь просвещенцу» и др.). В них

²³ Гидулянов П. В. Кодекс законов о браке, семье и опеке с постатейным комментарием / под ред. П. А. Красикова. Л., 1927; Декреты Советской власти. М., 1957–1989. Т. 1–13; Детское право советских республик. Сборник действующего законодательства о детях / сост.: М. П. Кричевская, И. И. Курицкий. Харьков, 1927; Краткий сборник законодательных материалов по борьбе с детской беспризорностью. Воронеж, 1926–1927; Положение о Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК. М., 1926; Сборник действующих узаконений и распоряжений правительства Союза ССР и правительства РСФСР, постановления Деткомиссии при ВЦИК и ведомственных распоряжений по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Вып. 3. М., 1932; Сборник узаконений и распоряжений правительства Союза ССР и правительства РСФСР о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью и по ее предупреждению. М., 1927; Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942; Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М., 1943 и др.

публиковались материалы дискуссий по наиболее актуальным проблемам детства, деятельности конкретных детских учреждений, теории и практике работы с трудными детьми и др.

Источники личного происхождения (воспоминания, письма)²⁴ малочисленны. Эти материалы помогают реконструировать некоторые аспекты, касающиеся жизни беспризорных детей на улице или в детских домах. В *отдельную группу* следует выделить такой специфический источник, как *художественная литература*. Произведения писателей не дают надежных фактов, но они раскрывают психологические основания поведения беспризорников и сирот, многомерно характеризуют среду их жизни.

Таким образом, в процессе написания работы был привлечен широкий круг неопубликованных и опубликованных материалов, которые способствовали созданию обширной источниковой базы по теме исследования, а также достижению его цели и решению основных задач через использование комплексного подхода к источникам.

Методологическая база исследования. Исследование велось на основе *междисциплинарного подхода*, с применением наработок не только исторической, но и педагогической науки, социальной и политической истории, психологии, юриспруденции и др. В нем используется сочетание *институционального и антропологического подходов*, что позволяет выявить не только декларации и деятельность государственных институтов в отношении детей, но и реальное положение нуждающегося ребенка, его оценку разного рода ситуаций. Применение *системного подхода* дает возможность рассмотреть социальные институты, ведомства, учреждения сферы охраны детства как взаимосвязанные отдельные структуры общей системы. С помощью данного подхода определяется место ребенка в системе социальных учреждений.

Исследование опирается на совокупность разнообразных методов: *аналитического, историко-сравнительного, историко-системного, статистического и др.* Работа основывается на общепринятых принципах исторического познания, которые предполагают изучение процессов и явлений в системности, динамике и взаимосвязи. В исследовании используются следующие принципы: *историзма, объективности, конкретности, всесторонности, системности, историографической традиции, опоры на исторические источники.*

Научная новизна работы заключается в том, что диссертация является первым комплексным исследованием, системно, на основе сочетания институционального и антропологического подходов раскрывающим деятельность государственных и общественных организаций в вопросах охраны детства в Карелии и результаты их работы. Впервые дается целостный анализ путей решения проблем в регионе, связанных с детской беспризорностью и преступностью в 1918 – первой половине 1930-х гг. В процессе работы в научный

²⁴ Злобина В. Растоптанные идеалы: канадская девочка за железным занавесом. Хельсинки, 2019; На фронте мирного труда: воспоминания участников социалистического строительства в Карелии. 1920–1940. Петрозаводск, 1976 и др.

оборот введено большое количество неопубликованных источников и малоисследованных материалов, а также на их основе сделаны аналитические обобщения, способствующие расширению научных знаний в области отечественной истории.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в возможности использования материалов и выводов диссертации для создания трудов по теории и практике истории социальной работы, а также для разработки лекционных курсов и учебных пособий по социальной истории и истории детства, а также в процессе преподавания дисциплин «История России», «История Карелии», при подготовке спецкурсов по историческим, историко-правовым, педагогическим и социологическим дисциплинам.

Основные положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

1. В социальной политике, направленной на решение проблем нуждающихся детей в Карелии в 1918 – первой половине 1930-х гг., выделяются следующие этапы: 1918–1925 гг., 1925–1929 гг., первая половина 1930-х гг. Они обусловлены как изменением общих условий жизни детей, так и становлением системы учреждений по охране детства. Произошел постепенный переход от действий в парадигме «спасение детей» от голода, болезней и т. д. к их комплексной социализации в детских учреждениях.

2. Беспризорные дети составляли сложную в социальном плане группу. Выявленное на основе официальных документов распределение нуждающихся детей по категориям (дети, лишенные родительского или государственного попечения; несовершеннолетние правонарушители; дети-инвалиды; дети, достигшие предельного возраста и работавшие на предприятиях) на практике было затруднено размытостью границ внутри этих групп, поскольку ребенок мог находиться одновременно в нескольких категориях. В реальности чаще всего именно беспризорники попадали в категорию нуждающихся.

3. Основные функциональные обязанности в системе социальной защиты беспризорников в качестве контролера, координатора, исполнителя в Карелии, как и в других регионах страны, легли на Деткомиссию при КарЦИК, опирающуюся в решении практических вопросов не только на Наркомпрос АКССР, но и на общественные организации, такие как местные ячейки общества «Друг детей», комсомол, пионерию. Их взаимодействие влияло на изменение форм общественной заботы о детях.

4. Помещение нуждающихся детей в детские дома являлось основной формой государственного решения проблемы беспризорности на местах. В Карелии детские дома делились по национальному принципу: для русских детей, для карелов и финнов, для смешанных групп. Несмотря на имевшиеся проблемы в функционировании и развитии детских домов Карелии (дефицит профессиональных кадров и приспособленных зданий, неустойчивое снабжение), сложившаяся сеть учреждений смогла осуществлять социализацию детей в интересах государства, решать задачу воспитания «нового человека» через систему образовательно-воспитательных и медико-санитарных мер.

5. Обобщенный тип социально неблагополучного ребенка выявлен на основе анализа комплекса источников (статистические и опросные листы, протоколы задержания и допросов несовершеннолетних, постановления инспекторов отдела уголовного розыска и комиссий по делам несовершеннолетних и др.) и биографических сведений. Это беспризорный мальчик-сирота школьного возраста, бросивший учебу для поиска средств существования, занимавшийся попрошайничеством либо преступной (в редких случаях трудовой) деятельностью. Состояние его здоровья, образовательный и воспитательный уровни имели значительный разброс характеристик, связанных с конкретными условиями жизни.

6. В 1918 – первой половине 1930-х гг. в Карелии происходило постепенное нарастание репрессивной составляющей в практике работы с несовершеннолетними правонарушителями, что не соответствовало декларируемой государством заботе о создании благоприятных условий для воспитания и социализации советских детей. К середине 1930-х гг. расширяется круг полномочий НКВД в работе с трудными подростками, в частности, в его ведение передаются приемные пункты и детские дома, ранее принадлежавшие компетенции Наркомпроса; представители данного ведомства вводятся в комиссию по борьбе с детской беспризорностью и преступностью в крае.

7. Сложившаяся государственная и общественная система социальной помощи нуждающимся детям в определенной степени смягчала негативные последствия сиротства и беспризорности в Карелии, однако в области их профилактики работа оказалась осложнена комплексом социально-экономических факторов.

Апробация исследования. Результаты диссертационной работы были представлены на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях: Всероссийской научной онлайн конференции памяти В. Г. Безрогова «Дети и детство в истории культуры: современные междисциплинарные исследования» (Москва, 2020), Международной научно-практической школе-конференции молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды» (Москва, 2019–2020), Международной научной конференции «Сотворение “нового человека”: научные и художественные эксперименты (Россия – СССР, 1900–1939)» (Санкт-Петербург, 2019), Всероссийской конференции «Лаборатория историка: деловой документ» (Москва, 2018), XI ежегодной конференции «Конструируя “советское”? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности» (Санкт-Петербург, 2017) и др. Основные положения диссертации нашли отражение в 21 научной публикации (объем 12 п. л.), в том числе в 5 статьях, опубликованных в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов ВАК Минобрнауки РФ.

Структура работы включает введение, три главы, разделенные на параграфы, заключение, список сокращений, список источников и использованной литературы, приложение.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается общая характеристика работы, обосновывается ее актуальность, определяются объект и предмет исследования, цель и задачи работы, территориальные и хронологические рамки, оценивается степень изученности темы в историографии, характеризуется источниковая база исследования, его методологическая основа, научная новизна и практическая значимость, формулируются выносимые на защиту основные положения.

В **первой главе «Проблема сиротства и беспризорности детей в Советской России и Карелии в 1918 – первой половине 1930-х гг.»** рассматривается социальное положение основных категорий детей, нуждающихся в помощи со стороны государства. В *первом параграфе «Социально-экономическая ситуация как фактор положения детей»* анализируется влияние процессов, происходивших в советском государстве в 1918 – первой половине 1930-х гг., привнесших значительные изменения в состояние детей в России и Карелии. В указанный период в определенные моменты происходил рост детской беспризорности и преступности, а со стороны государства и общественности осуществлялись меры, направленные на защиту нуждающихся детей. С учетом социально-экономической и демографической ситуации в Карелии в пределах исследуемого периода были выделены три этапа (I этап – 1918–1925 гг., II этап – 1925–1929 гг., III этап – 1930–1935 гг.), в рамках которых изменялось положение детей, что было часто связано с политикой, проводимой государством. На первом этапе такие события, как Первая мировая и Гражданская войны, интервенция, сыграли значительную роль в экономическом развитии региона, повлияли на изменения демографического состава населения, например, на возрастной состав. Санитарно-эпидемиологическая обстановка в Карелии, как и в целом по стране, находилась в критическом состоянии, что влекло за собой высокую младенческую и детскую смертность. Материальное положение семей ухудшалось жилищным и продовольственным кризисами. В условиях ослабления системы семейных связей, разрушения естественного уклада жизни детей значительная их часть рано оказывалась на улице, где им приходилось включаться в борьбу за выживание. На протяжении первого этапа государство декларировало приоритет общественного воспитания над частным, произошли изменения в нормативно-правовой базе в отношении детей и их родителей. На втором этапе возникли новые факторы, влиявшие на положение детей. Так, увеличение миграционных потоков в Карелию повлекло за собой появление новых беспризорных детей, зачастую пополнявших либо местные детские дома, либо преступные группы. Со второй половины 1920-х гг. начинается политика возвращения к ценностям семейного воспитания, что было вызвано среди прочего и необходимостью «разгрузки» детских учреждений при переводе их обеспечения на местный уровень. В результате восстанавливалась система усыновления, развивалось патронирование. На третьем этапе положение детей определялось рядом новых обстоятельств, связанных с преобразованиями, осуществляемыми советской властью. Новые факторы, усложнявшие жизнь детей Карелии, были связаны с проводившимися государством мероприятиями по борьбе

с кулачеством и по использованию дополнительной рабочей силы из других районов страны или из-за границы. Раскулачивание выступило в качестве одной из причин неблагополучия детей, поскольку за данным процессом часто следовали либо гибель родителей, либо распад семей. Большой наплыв рабочего населения в указанный период вызвал рецидив детской беспризорности, справляться с которой приходилось органам Наркомпроса АКССР. В целом же санитарно-эпидемиологическое, медицинское, жилищное, продовольственное состояние в регионе постепенно улучшалось.

Во *втором параграфе «Основные категории несовершеннолетних, нуждающихся в социальной помощи»* анализируются группы нуждающихся детей, которым требовалось оказание государственной или общественной помощи. Базовым демографическим показателем для всех категорий детей являлся возраст: в правовом отношении период детства завершался с наступлением совершеннолетия, которое определялось 18-летним возрастом, с его достижением наступала полная дееспособность. В нормативных документах возраст трудоспособности очерчивался границами 14 и 16 лет, при этом для подростков с 14 лет прием на работу являлся исключением. Возраст привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности в 1920-х – первой половине 1930-х гг. неуклонно снижался: 1918 г. – 17 лет, 1920 г. – 18 лет, 1922 г. – 16 лет, 1926 г. – 14 лет, 1929 г. – 16 лет, 1935 г. – 12 лет, что свидетельствовало об усилении репрессивной составляющей в решении «детского вопроса». Обращение к нормативным источникам исследуемого периода позволило не только дифференцировать используемые в них возрастные группы «малолетний», «подросток», «несовершеннолетний», но и выделить основные категории нуждающихся детей. Это, прежде всего, дети, лишенные родительского или государственного попечения; дети, совершившие общественно-опасные деяния; дети-инвалиды и дети, достигшие предельного возраста и работавшие на предприятиях. Периодически государство обновляло и расширяло категорию получателей социальной помощи и поддержки среди детей, а также применяло новые формы ее организации. На протяжении изучаемого периода менялась терминология, вводились новые понятия по определению беспризорных детей, несовершеннолетних правонарушителей и др. Труды исследователей 1920-х гг. дали возможность определить характеристики и зафиксировать принятые в то время классификации каждой категории нуждающихся детей.

Вторая глава «Система социальных учреждений для беспризорных в Карелии и деятельность общественности» посвящена реконструкции структуры государственных органов управления в сфере охраны детства и анализу деятельности советских общественных организаций в решении проблемы детской беспризорности и преступности в Карелии. В *первом параграфе «Управление сферой охраны детства в Карелии как часть системы государственного регулирования в 1918–1935 гг.»* речь идет о создании и функционировании государственных органов охраны детства с определением их задач, функций, иерархии и соподчиненности с учетом тех типов детских учреждений, которые находились под ведомственным контролем. Начало

советского строительства в первые месяцы своего становления было связано с упразднением старого дореволюционного аппарата государственной власти и созданием новых органов управления. Изначально вопросами охраны детства занимались комиссариаты здравоохранения, просвещения, социального обеспечения, постепенно в ведение Наркомпроса АКССР перешла основная часть детских учреждений, работавших с бывшими беспризорниками и несовершеннолетними правонарушителями. Внутренняя структура и функции Наркомсобеса, Наркомздрава и Наркомпроса АКССР претерпевали изменения, связанные с перераспределением полномочий данных ведомств и сменой наименований в связи с административно-территориальными переменами региона. Созданная в первой половине 1920-х гг. Комиссия по улучшению жизни детей при КарЦИК стала основным государственным органом в деле охраны детства в регионе, в руках ее сотрудников были важнейшие рычаги регулирования социальной защиты детей. Именно Деткомиссия контролировала, согласовывала, проверяла действия ведомств и учреждений, тогда как другие государственные органы управления занимались не исключительно вопросами охраны детства. С конца 1920-х гг. все больше полномочий в работе с беспризорниками и малолетними правонарушителями передавалось органам НКВД. Разграничение зоны ответственности в вопросах охраны детства окончательно оформилось в середине 1930-х гг.

Во *втором параграфе «Вклад советской общественности в решение проблемы детской беспризорности»* показана деятельность общественных организаций и отдельных лиц по оказанию помощи нуждающимся детям. Советское государство стремилось реализовать в области охраны детства принцип, при котором приоритет отдавался общественному воспитанию над частным. Хотя забота о детях провозглашалась обязанностью государства, привлечение общественности в борьбу с детской беспризорностью и преступностью в Карелии было ощутимо на протяжении всего рассматриваемого периода. Деятельность населения проходила в тесном сотрудничестве с органами народного образования и Деткомиссиями. Особую роль в организации помощи детям играла местная периодическая печать, выступавшая не только каналом информации, но и контролером, координатором работы разных учреждений и организаций. Через материалы местных газет прослеживаются различные виды общественной заботы о детях, в том числе семейные формы устройства беспризорных детей, получившие свою реализацию через установление опеки, усыновления или патронирования. Они были востребованы неравномерно в связи с изменениями, происходившими в советском законодательстве и в социально-экономической сфере Карелии. Анализ основных форм проявления общественной инициативы в вопросах оказания помощи нуждающимся детям, борьбы с детской беспризорностью и преступностью в Карелии дал возможность акцентировать внимание на деятельности следующих общественных структур: ячеек общества «Друг детей», фонда имени В. И. Ленина, комсомола, пионерии, крестьянских комитетов общественной взаимопомощи. Важное место в вопросах охраны детства занимало коллективное шефство над детскими учреждениями. В Карелии

шефами являлись различные организации и учреждения: кооперативные союзы, красноармейские части, профсоюзы, предприятия, отделы милиции, женотделы и др. Их помощь осуществлялась в виде оказания материальной и финансовой поддержки детских учреждений, а также проведения воспитательной и образовательной работы с воспитанниками детских домов.

В третьей главе **«Жизнь воспитанников детских домов Карелии»** исследуются вопросы, связанные с характеристикой социального облика нуждающегося ребенка, проблемы жизнеобеспечения воспитанников и их социализации в детских домах Карелии. В *первом параграфе «Социальный портрет ребенка в контексте обобщенной биографии: сирота, беспризорник, правонарушитель»* изучены основные вопросы, связанные с социокультурными особенностями жизни неблагополучного ребенка методом создания обобщенной биографии. Социокультурный портрет ребенка представлен на основе сведений из официальных документов, специальной литературы и художественных произведений. Изучение данных источников базировалось на выделении элементов, дающих представление об облике ребенка по определенным критериям анализа, включавшим широкий спектр вопросов: причины попадания на улицу, состав семьи, удовлетворение базовых потребностей, занятия нуждающихся детей, характеристики детей (внешний вид, половозрастные параметры, состояние здоровья, уровень грамотности), отношение ребенка к родителям, детскому дому, воспитателям и др. Полученный в результате исследования обобщенный социальный типаж нуждающегося ребенка включает не только портрет сироты (круглой сироты, полусироты), но и беспризорного, а также безнадзорного ребенка, оказавшегося наедине с такими жизненными трудностями, как поиск питания, одежды и крова. Обращение к особенностям социально неблагополучных детей в контексте обобщенной биографии позволяет выявить базовые черты социокультурного облика ребенка, что представляется важным этапом для изучения его дальнейшей жизни в детском доме в качестве «государственного ребенка».

Во *втором параграфе «Материальная база детских домов и система жизнеобеспечения детей в 1918 – первой половине 1930-х гг.»* характеризуется уровень жизнеобеспечения «государственного ребенка», сравниваются нормативы и реальное положение воспитанников детских домов Карелии. Образ жизни этих детей был ограничен определенными рамками и иногда довольно жестким режимом, устанавливаемым конкретным детским домом. Оказываясь в таких учреждениях социальной защиты, воспитанники были на полном обеспечении государства, которое в начале 1920-х гг. ставило себе в качестве одной из главных задач заботу о ребенке. Детские дома Карелии на протяжении 1918 – первой половины 1930-х гг. находились в неравном материальном положении, что зависело, прежде всего, от поддержки, оказываемой Деткомиссией при КарЦИК и местными организациями, от собственных денежных средств, получаемых во время кампаний по борьбе с детской беспризорностью, от наличия и эффективности подсобного хозяйства учреждения и др. Периодически проводимые обследования детских домов отображали

картину жизни этих учреждений, которая сильно отличалась от нормативных требований и инструкций. Обращение к характеристике материальных условий детских домов Карелии дало возможность увидеть, что оснащенность учреждений была разной и во многом зависела от начального положения, уровня финансирования, умелого руководства заведующих детдомами. Система жизнеобеспечения «государственного ребенка» складывалась из таких параметров, как рацион питания, обмундирование, медико-санитарное обслуживание, наличие инвентаря, включая книги и игрушки. Изучение этих показателей позволило понять, как формировалось в действительности обеспечение ребенка в государственном учреждении в 1918 – первой половине 1930-х гг. Проведенное сопоставление нормативов и реального снабжения детей питанием, одеждой, обувью и др. показало, что утвержденные нормы крайне редко реализовывались на местах. Это было связано с множеством проблем: исходная неудовлетворительная материальная база учреждения, недостаток финансирования, отсутствие необходимых медикаментов, продуктов и вещей, их низкое качество.

В третьем параграфе «“Государственный ребенок” и его социализация в детских учреждениях» рассматриваются особенности содержания детей-сирот и беспризорных, проанализированы средства и методы воспитания «нового человека» в рамках детских домов. Помещение несовершеннолетних в детские дома являлось основным способом решения проблемы детской беспризорности в Советской России в 1918 – первой половине 1930-х гг. Однако изначально воспитание детей-сирот и беспризорных в Карелии имело определенные трудности, например, отсутствие квалифицированных педагогов, воспитателей и медицинских работников. Кадровая политика 1918 – первой половины 1930-х гг. позволила отчасти решить проблему дефицита сотрудников детских домов. Повышение их квалификации осуществлялось через проведение местных курсов, отправку воспитателей, педагогов и руководителей на обучение в Москву или Петроград, проведение местных конференций и совещаний, на которых шло информирование и обсуждение новых подходов к решению воспитательных и педагогических задач в детдоме. В учреждениях Карелии условия для воспитания, обучения и подготовки несовершеннолетних к самостоятельной жизни во многом зависели от личных усилий сотрудников и руководства. Особое внимание уделяли трудовому воспитанию, формированию духа коллективизма, созданию гармонической и всесторонне развитой личности. Трудовое воспитание в детских домах реализовывалось через организацию мастерских и подсобных хозяйств, которым не хватало инструментов, сырья, помещений, работников и др. Аналогичные трудности материального и кадрового порядка ощущались и в других направлениях работы. Для подготовки «гармонически и всесторонне развитой личности» проводились регулярные занятия физическими упражнениями и наблюдение за здоровьем детей. Укреплению здоровья воспитанников детских домов также способствовали кампании по организации летних колоний и оздоровительных площадок, отправка воспитанников в санатории и пионерские лагеря. Общественно-политическое воспитание включало

различные направления, но основное внимание было уделено антирелигиозной и интернациональной установкам, которые проходили красной линией через всю воспитательную работу в детском доме. В Карелии большинство воспитанников детдомов были пионерами, однако деятельность пионерских организаций была осложнена отсутствием авторитетных и опытных руководителей. Во многих детдомах воспитательная работа была налажена благодаря усилиям отдельных энтузиастов из числа педагогов и воспитателей, которые старались собственными силами организовать пространство для развития детей. Устройство выпускников детдомов Карелии дает возможность увидеть широкий спектр выбранных ими занятий. Чаще всего они предпочитали продолжить образование, используя краткосрочные формы обучения, или работать в мастерских, на фабриках, на заводах. На фоне имевшихся трудностей сложившаяся система воспитания и обучения детей в детдомах Карелии постепенно начинала приобретать плановость и системность, которые регулировались центром.

В **Заключении** сформулированы основные выводы диссертационного исследования. В 1918 – первой половине 1930-х гг. в Карелии, как и в целом по стране, происходило становление и развитие деятельности государственных и общественных институтов защиты детей-сирот и беспризорных. Положение детей определялось социально-экономической обстановкой в регионе, которая в исследуемый период претерпевала значительные изменения. На смену характерным для начала 1920-х гг. проблемам детства, связанным с последствиями войн и революционных событий, которые были в основном преодолены к концу десятилетия, пришли сложности, связанные с массовой миграцией в Карелию рабочей силы из других регионов страны и зарубежья, раскулачиванием, созданием спецпоселений.

Официально установленные категории детей, которым требовались профилактика, поддержка и оказание помощи, на практике было сложно применять, поскольку они не имели четких границ, а образ жизни социально неблагополучных детей определял их сразу в несколько групп. Пополняя ряды беспризорных, дети под воздействием негативных обстоятельств оказывались в условиях, способствующих проявлению разного рода девиаций, что подтверждается ростом детской преступности в регионе.

Решение проблемы детской беспризорности в Карелии проходило в несколько этапов: 1918–1925 гг., 1925–1929 гг., первая половина 1930-х гг., выделение которых выполнено с учетом меняющихся условий жизни, развития системы социальных учреждений для беспризорных, деятельности общественности, организации жизнеобеспечения воспитанников детских домов и их социализации. В исследуемый период в Карелии постепенно складывалась структура государственных органов управления, которая занималась вопросами социальной защиты детей. В результате анализа деятельности таких органов, как Наркомпрос, Наркомздрав, Наркомсобес, НКВД АКССР и Деткомиссия при КарЦИК, было выявлено, что основополагающая деятельность в вопросах координации работы по социальной защите и оказанию помощи детям приходилась на Комиссию по улучшению жизни детей. Деятельность упомянутых

государственных органов осложнялась отсутствием четкого разделения функций между ними, в связи с чем происходило дублирование действий. Не хватало опытных кадров, денежных средств; осуществлялись постоянные организационные изменения. Увеличение государственного присутствия в решении проблем детей сопровождалось ростом репрессивной составляющей по отношению к малолетним правонарушителям. Если первоначально вопросы борьбы с детской беспризорностью и преступностью координировали органы социальной защиты и образования, то к началу 1930-х гг. органы милиции становятся влиятельными акторами этой деятельности, а к середине 1930-х гг. происходит расширение круга полномочий НКВД в работе с трудными подростками.

Взаимодействие государства и общественности в исследуемый период находилось в стадии поиска действенного типа сотрудничества, происходили изменения в формах общественной помощи нуждающимся детям. Поддержкой детей в Карелии прямо или косвенно занимались ячейки общества «Друг детей», местное отделение фонда имени В. И. Ленина, комсомольские и пионерские организации и др. Масштабы помощи детям от советских граждан со временем возрастали.

Направление нуждающихся детей в учреждения социальной защиты являлось основным способом ликвидации детской беспризорности в Карелии. Адаптация детей к условиям детских домов проходила постепенно, дети не сразу могли привыкнуть к другому образу жизни, продолжали воровать, что было вызвано также следствием недостатков педагогической работы и плохого снабжения учреждений. Впоследствии жизнь детей менялась и, как правило, выпускники детского дома имели определенный выбор дальнейшей траектории жизненного пути. Чаще всего они осваивали рабочие специальности.

В начале 1920-х гг. в Карелии сформировалась система детских домов, которая продолжала меняться на протяжении всего исследуемого периода [в 1917 г. здесь насчитывалось 7 детских домов (267 чел.), в 1925 г. – 17 (800 чел.), в 1929 г. – 25 (1266 чел.), а в конце 1935 г. – 20 (1067 чел.)]. Если на первом этапе имелось множество проблем, связанных с материальным, финансовым обеспечением учреждений, то к концу периода в большинстве детских домов были созданы приемлемые для жизни условия. Интеграция детдомовцев в советское общество осуществлялась через воспитательную работу, включавшую общепринятые в СССР формы. Система воспитания и обучения «государственных детей» в Карелии постепенно начала приобретать плановый и системный характер.

Таким образом, система государственных органов и общественных организаций, занимавшаяся решением проблемы сиротства и беспризорности детей, окончательно сформировалась в Советской Карелии к 1935 г. и включала расширенную сеть детских учреждений, которые охватили широкий спектр нуждающихся детей. При имевшихся трудностях внутри детдомов усилиями руководства и персонала беспризорные дети получали возможность социализации, обучения и дальнейшего трудоустройства. В целом сложившаяся

государственная система социальной помощи и поддержки детей-сирот и беспризорных в Карелии была ориентирована не на предупреждение таких явлений, как сиротство и детская беспризорность, а на борьбу с их негативными последствиями для советского общества.

По теме диссертационного исследования опубликованы следующие работы:

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук по специальности «Отечественная история»:

1. Чебаковская А. В. Документация комиссий по делам несовершеннолетних Карелии в 1918 – первой половине 1930-х гг. // История. 2020. Вып. 6 (92) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/S207987840010086-3-1>. (дата обращения: 30.01.2021). (1,1 п. л.)

2. Чебаковская А. В. Продовольственное обеспечение воспитанников детских домов в 1920-х – первой половине 1930-х гг. (по материалам Карелии) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и Филология. 2020. Т. 30, вып. 1. С. 153–164. (1,4 п. л.)

3. Чебаковская А. В. Работа с несовершеннолетними правонарушителями в Карелии в послереволюционный период // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 93–101. (1,1 п. л.)

4. Чебаковская А. В. Виды детских правонарушений в первой половине 1920-х гг. (на материалах Карелии) // Власть: общенациональный научно-политический журнал. 2018. № 4. С. 129–133. (0,4 п. л.)

5. Чебаковская А. В. Система государственного управления сферой охраны детства в 1920–1935 гг. // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2. С. 80–96. (1,3 п. л.)

Публикации в других изданиях:

6. Чебаковская А. В. Жизнеобеспечение воспитанника детского дома Карелии в 1918 – первой половине 1930-х гг. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сб. ст. участников Междунар. научно-практич. школы-конф. молодых ученых (24–25 ноября 2020 г.) / отв. ред.: Ю. А. Петров, В. Н. Круглов. М.: Институт российской истории РАН, 2020. С. 320–326. (0,5 п. л.)

7. Чебаковская А. В. Работа с несовершеннолетними правонарушителями в Карелии в 1918–1935 гг. // Бюллетень Музея истории МВД по Республике Карелия. Петрозаводск, 2020. Вып. 3 (87). С. 3–16. (1,1 п. л.)

8. Чебаковская А. В. Детский дом как основной институт социализации сирот и беспризорных в Карелии в 1920-х – первой половине 1930-х гг. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии,

новые взгляды: сб. ст. участников Междунар. научно-практич. школы-конф. молодых ученых (8–9 октября 2019 г.) / отв. ред.: А. Ю. Петров, В. Н. Круглов. М.: Институт российской истории РАН, 2019. С. 267–275. (0,6 п. л.)

9. Чебаковская А. В. Опросные и статистические листы как источник информации для изучения социального облика несовершеннолетнего правонарушителя 1920-х гг. (по материалам Карелии) // Письмо и повседневность: материалы конф. «Лаборатория историка: Деловой документ», Москва, 28–29 ноября 2018 г. / отв. ред. А. О. Чубарьян; отв. сост. Т. В. Гимон. М.: ИВИ РАН, 2018. Вып. 4. С. 46–48. (0,2 п. л.)

10. Чебаковская А. В. Противодействие государственных органов детской преступности в Карелии в первой половине 1920-х гг. // Бюллетень Музея истории МВД по Республике Карелия. Петрозаводск, 2018. Вып. 10 (70). С. 63–68. (0,4 п. л.)

11. Чебаковская А. В. Работа Деткомиссии при КарЦИК по оказанию материальной помощи детям в 1920-х гг. // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 6 (27). С. 891–894. (0,4 п. л.)

12. Чебаковская А. В. Направления деятельности комиссий по улучшению жизни детей в 1920-х гг. в центре и на периферии (на материалах Карелии) // Материалы Междунар. молодежного науч. форума «Ломоносов-2018» / отв. ред.: И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2018. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. (0,2 п. л.)

13. Чебаковская А. В. Общественные акции в помощь детям в 1920-х гг. (на материалах Карелии) // Гражданские конфликты и гражданские войны в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: сб. материалов Восьмой междунар. конф. молодых ученых и специалистов «Слио-2018» / отв. ред. А. К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 437–439. (0,2 п. л.)

14. Чебаковская А. В. Противодействие государственных органов детской преступности в Карелии в первой половине 1920-х гг. // Краеведческие чтения: материалы XII науч. конф. (14–15 февраля 2018 г.). Петрозаводск, 2018. С. 73–77. (0,4 п. л.)

15. Чебаковская А. В. Социальный портрет несовершеннолетнего правонарушителя 1920-х гг. (по материалам Карелии) // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2017. Вып. 2, декабрь [Электронный ресурс]. URL: http://nbsr.petrso.ru/journal/content_list.php?id=10950. (дата обращения: 30.09.2020). (0,5 п. л.)

16. Чебаковская А. В. Новизна и преемственность в изучении проблемы охраны детства в Карелии 1920–1930 гг. // Сборник публикаций научного журнала «Chronos» по материалам XVIII междунар. научно-практич. конф. «Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы». М., 2017. С. 35–43. (0,5 п. л.)

17. Чебаковская А. В. Досуг по-детдомовски: нормы и практики организации «свободного времени» в социальных учреждениях Карелии в 1920-х гг. // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы Одиннадцатой междунар. конф. студентов и аспирантов (14–15 апреля 2017 г., Санкт-Петербург). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 176–183. (0,5 п. л.)

18. Чебаковская А. В. Образ малолетнего правонарушителя по архивным материалам Карелии первой половины 1920-х гг. // Краеведческие чтения: материалы XI науч. конф. (16–17 февраля 2017 г.). Петрозаводск, 2017. С. 208–214. (0,4 п. л.)

19. Чебаковская А. В. Складывание сети детских домов в Карелии в первой половине 1920-х гг. // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: материалы Девятой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 13–16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. Т. 1. / отв. ред.: Н. Л. Пушкарева, Н. А. Мицюк. Смоленск; М.: Изд-во СмолГУ, ИЭА РАН, 2016. С. 296–299. (0,2 п. л.)

20. Чебаковская А. В. Вопросы социальной защиты детей на страницах газеты «Красная Карелия» в 1920-е – первой половине 1930-х годов // Краеведческие чтения: материалы X науч. конф. (11–12 февраля 2016 г.). Петрозаводск, 2016. С. 167–170. (0,4 п. л.)

21. Чебаковская А. В. Проблема беспризорности в советской России в годы Гражданской войны // Исторический альманах: сборник научных статей / под ред. Г. В. Чумакова, Л. Н. Юсуповой. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 84–87. (0,2 п. л.)